

УДК 575+631.527

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ НАУКИ: КУЛЬТУРНЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

© 2013 г. К. В. Воденко*, О. С. Иванченко**

*Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

В статье обозначен институциональный аспект исследования науки. Обосновывается, что на процесс генезиса и институализации науки оказали ценности христианской культуры. Обосновывается, что институциональное развитие науки неизбежно привело к тому, что результаты ее несут негативные последствия для человека и природы, что обуславливает кризисное состояние института науки. Делается вывод о том, что путем преодоления кризиса современной науки является формирование нового ее образа на основе нового этоса ученого.

Ключевые слова: наука; институализация; общество; культура; этос.

Authors of the article designated the institutional aspect of studying the science. It is proved that the process of genesis and institutionalization of science was affected with the values of the Christian culture. It is proved that the institutional development of science inevitably led to the fact that its results are negative consequences for man and nature that makes the critical state of the Institution of Science. It is concluded that the way to overcome the crisis of modern science is its creation of a new image based on the new ethos of the scientist.

Key words: science; institutionalization; society; culture; ethos.

Классики социологии, такие как Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Мангейм считали невозможным социологическое исследование науки, и только начиная с исследований Дж. Бернала, Т. Парсонса и, особенно, Р. Мертона закладываются традиции социологического анализа науки. Социология, согласно Р. Мертону, изучает науку как социальный институт, охраняющий ее автономию и стимулирующий деятельность, направленную на получение нового и достоверного знания [1]. Основные идеи социологию науки развивали У. Хэгстер (структура научного сообщества), Н. Маллипс (социальные связи и коммуникации науки), С. Коул и Дж. Коул (социальная стратификация в науке), Н. Сторер (наука как социальная система), Т. Кун (концепция научных революций) и др. В отечественной социологии многое делал для становления

социологической теории науки Г. Н. Волков, выдвинувший концепцию анализа науки как социального института и формы общественного сознания [2]. В социологии науки внимание сосредотачивается на проблемах взаимоотношения общества и науки, на вопросах организации науки и ее функций, которые имеют значение для эффективного функционирования общества. Одним из ключевых теоретико-методологических принципов современной социологии науки, которое позволяет раскрыть особенности формирования и развития системы научного знания, является теория социальных институтов, развиваемая в контексте структурно-функционального анализа (Т. Парсонс и др.) и неинституционализма (Д. Норт и др.).

В современной мировой социологии институциональный подход активно начал

развиваться после того, как его стали широко использовать экономисты, и в российской социологии последователями институционального подхода являются преимущественно исследователи, социально-экономических проблем. К рамках институционального социологического направления в России сформировались московская (В. В. Радаев и др.) и новосибирская школы (О. Э. Бессонова, Т. И. Заславская, С. Г. Кирдина и др.).

Для московской институциональной школы социологов-экономистов, как и для представителей зарубежной западной социологии, характерно использование концептуального материала институциональной экономической теории. В контексте западного «методологического индивидуализма», московские исследователи при изучении социальной реальности ограничиваются микроуровнем, «оставив в стороне макромоделю, описывающие институциональное устройство в масштабах всего общества» [3, с. 113]. Институты при таком подходе представляют «не жесткий каркас, а гибкую поддерживающую структуру, изменяющуюся под влиянием практического действия» [3, с. 113]. В качестве теоретической модели для описания социальных институтов социальное действие понимается как внутренне осмысленная деятельность, ориентированная на действия других (М. Вебер). Московское крыло представителей институционализма работает преимущественно в рамках экономической социологии, оставляя за пределами своего рассмотрения неэкономические сферы общества.

По-иному представлен институциональный подход в исследованиях Новосибирской социологической школы. Его характерной чертой является, во-первых, то, что Новосибирская социологическая школа в качестве объекта своего исследования имеет не только экономическую сферу, но и социальную деятельность в более широком контексте, включая процессы демографического и социального воспроизводства, повседневную жизнедеятельность населения, многостороннюю социальную адаптацию к меняющимся в ходе трансформаций условиям жизни и «правилам игры». Если для «московского крыла» социологов-институционалистов причиной заимствований из экономической науки служит «неудовлетворенность социетальными

структуралистскими подходами» [3, с. 111], то в Новосибирской социологической школе именно эти подходы получили свое развитие. Анализ общества как социальной системы, выделение регулирующих его развитие социальных и социетальных механизмов [11], исследование специфики российского общества на основе категориального аппарата общих институциональных теорий позволяют анализировать процессы трансформации во всей их полноте, увидеть связи между инерционными и инновационными его составляющими. В результате, как пишет З. И. Калугина, в коллективе «институциональная методология позволила органично увязать микро- и макроуровни исследований, потребовала расширения временных границ анализа и способствовала появлению новых перспектив научного поиска» [4, с. 120].

В рамках Новосибирской социологической школы разработана теоретическая макро-социологическая гипотеза об институциональных матрицах [5]. В рамках данной гипотезы выделяются стабильные базовые институты, обеспечивающие сохранение и функционирование социума, которые формируют его институциональную матрицу. С другой стороны, анализируются изменчивые, мобильные институциональные формы, в которых реализуются базовые институты при конкретных культурно-исторических условиях.

Если же говорить об ограничениях институционального подхода, то они заключаются в том, что ориентация на выявление устойчивых социальных отношений — институтов, представляющих собой опредмеченные структуры общественной деятельности, не может не приводить к тому, что вне поля зрения исследователей остаются многообразие способов проявления институтов и институциональных форм в реальной жизни.

Важность темы институционального измерения науки обусловлена тем, что, во-первых, возникновение науки как социального института связывают с кардинальными изменениями в общественном строе и, в частности, с эпохой буржуазных революций, которая дала мощный толчок развитию промышленности, торговли, строительству, горному делу, мореплаванию. Наука как социальный институт включала в себя не только систему знаний и научную деятельность, но и систе-

му отношений в науке, научные учреждения и организации. Однако долгое время институциональный подход не разрабатывался в отечественной социологии науки. Во-вторых, процесс институционального развития науки свидетельствует о ее самостоятельности, об официальном признании роли науки в системе общественного разделения труда, о ее претензиях на участие в распределении материальных и человеческих ресурсов. Этот факт обуславливает актуальность институционально-социологического анализа науки.

Обозначенный подход к анализу науки предполагает исследование процесса ее институционализации, что необходимо включает в себя рассмотрение процесса ее развития с трех сторон: создание различных организационных форм науки; формирование системы ценностей и норм, регулирующих деятельность ученых; интеграция науки в культурную и социальную системы индустриального общества. Исследованию проблемы социокультурного генезиса науки посвятил свои работы отечественный философ М. К. Петров, который писал о возникновении науки в XVII–XVIII вв. из соединения философии и практики. Анализируя различные концепции генезиса науки, он пришел к выводу, что «любая модель науки должна учитывать минимум два обстоятельства: сравнительно недавнее происхождение опытной науки и огромный кумулятивный эффект использования науки, который породил и порождает экономическую неоднородность мира» [6, с. 67].

При этом автор обращался к гипотезам Эйнштейна — Прайса — Нидама, Бернала и марксизма. Согласно гипотезе Эйнштейна — Прайса «развитие западной науки основано на двух великих достижениях: на разработке греческими философами формально-логических систем (евклидова геометрия) и на обнаружении в эпоху Возрождения того факта, что причинные отношения можно вскрыть с помощью систематического экспериментирования» [6, с. 68]. Гипотеза Нидама пытается объяснить появление науки через «наличие в Европе избыточного таланта и «насильственную» природу принципа научной рациональности», которые происходят из «социальных особенностей средневековой Европы» [6, с. 71]. Дж. Бернал, П. Блэккет, А. Маккей рассматривают науку как «момент в едином историческом процессе

познания, а именно момент научно-технической революции, для которого типичны резкие сдвиги в матрице (рамке, парадигме) познания и соответствующие резкие изменения в способе производства» [6, с. 79]. С их точки зрения, возникновение науки в Европе произошло благодаря сдвигу в христианской матрице, под которой понимается «ряд общих принципов и методов познания, характерных для данного способа производства. Матрица задает своим кодом «колею», двигаясь по которой познание рано или поздно приходит в противоречие с действительностью» [6, с. 79]. На первый план выходит матрица производства, следовательно «смысл научно-технической революции, ее причины и степень автономности этих причин могут быть вскрыты через анализ движения производства и технологии, которые составляют его матрицу» [6, с. 81]. Обращение к проблеме производства и понимание его роли сближает эту гипотезу с марксизмом.

На основе анализа этих концепций, которые «не противоречат друг другу в главном: дают абстракт (гипотеза Эйнштейна — Прайса) и процесс заполнения его конкретным содержанием», М. К. Петров создает свою собственную концепцию генезиса науки, в соответствии с которой «наука возникает либо как соединительная ткань между развитым в недрах теологии логическим формализмом и производством (Ф. Энгельс, Д. Прайс, Дж. Нидам), либо же в результате разложения единого прежде «привилегированного» способа существования (К. Маркс, Ф. Энгельс, Дж. Д. Бернал, А. Маккей и другие)». Совпадая по результатам, оба эти процесса дают нестабильную социальность, в которой «функции количественного воспроизводства и качественного умножения обособлены в самостоятельные институты и образуют шаговый переход от накопленной и воспроизводимой избыточности таланта, которым общество контактирует с вредными факторами среды, до растущих и меняющихся потребностей человека, которые оказываются конечными определителями для всего каскада выборов в правых шагах перехода» [6, с. 85].

В философии науки советского периода наиболее распространенной была марксистская модель, согласно которой наука как своеобразная форма познания и специ-

фический тип духовного производства возникает в Европе в Новое время (XVI–XVIII вв.) в эпоху буржуазной революции в Нидерландах (XVI — начале XVII вв.) и в Англии (середина XVI в.). Новому нарождающемуся классу — буржуазии — нужна была наука, т. е. такая система знания, которая отвечала бы запросам производства. Так, Ф. Энгельс писал: «...Вместе с расцветом буржуазии шаг за шагом шел гигантский рост науки. Возобновились занятия астрономией, механикой, физикой, анатомией, физиологией. Буржуазии для развития ее промышленности нужна была наука, которая исследовала бы свойства физических тел и формы проявления сил природы» [7, с. 93]. Классики марксизма разрабатывали идею порождения науки промышленной революцией, то есть идею социально-экономических причин ее генезиса. Марксистская концепция генезиса науки активно была поддержана советским исследователем Б. М. Гессеном [8], который стал основоположником экстерналистского направления в исследовании истории науки в СССР. Проблемный характер социокультурной детерминации научного познания проявился в дилемме «интернализм — экстернализм», явившей собой форму разобщенности логико-методологического и социологического подходов.

Напряженные дискуссии между представителями интерналистских и экстерналистских подходов завершились признанием необходимости учета диалектической взаимосвязи внутренней и внешней сторон детерминации развития науки. В историко-научных исследованиях была осознана вульгарность попыток вывести науку непосредственно из запросов зарождающегося промышленного капитала, толковать ее как результат «интеллектуальной мутации», а тем более выводить науку из обыденного знания. Было осознано, что надо объяснить, как и почему произошли изменения в мышлении. Наука — это форма духовной деятельности, а потому ее генезис в XVII в. необходимо связывать со сферой духовно-мыслительной. А так как главной формой духовной жизни всегда была религия, то возникновение науки нельзя понять без рассмотрения религиозно-мировоззренческих изменений. Местом возникновения науки явилась Европа, где господствующей

религией является христианство, а потому возникновение науки стали связывать с христианской религией. Проблема влияния христианской религии на генезис науки широко обсуждается как отечественными, так и зарубежными философами. Даже такой защитник научной рациональности, как академик В. С. Степин считает, что «новоевропейская наука имеет глубокие корни в христианской культурной традиции» [9, с. 11], признавая тем самым, что христианство потенциально содержало в себе предпосылки возникновения науки.

Как было показано ранее, «анализ вопросов генезиса и легитимизации научного знания заставляет обратить внимание на социокультурный контекст заявленных проблем, поскольку в настоящее время наука предстает, прежде всего, как социокультурный феномен, что указывает на ее зависимость от многообразных форм духовного опыта человечества. Многочисленные исследования историков, социологов и философов науки последних десятилетий значительно изменили прежний образ науки как автономного образования и обнаружили культурно-историческую обусловленность типов научного знания, поэтому изучение науки в горизонте культуры вполне оправдано» [10, с. 45]. Ряд авторов (П. П. Гайдено, Л. М. Косарева, Т. П. Матяш, Л. А. Микешина, В. Н. Порус, В. С. Степин и др.) делает вывод о том, что возникновение науки обусловлено многообразными формами духовного опыта человечества, среди которых особое место занимает религия.

Генезис новоевропейской науки в немалой степени был обусловлен спецификой христианской религии в ее католической и протестантской формах. Однако, помня о своих религиозных истоках, наука не сразу резко отмежевывалась от религии, противопоставляя себя вере. Но по мере того, как наука набирала силу, она вступила в конфликт с религиозной верой. В XVIII–XIX вв. доминировал конфликт веры и доминировавших в это время таких наук, как физика и механика. В XX в. центр конфликта переместился на стык биологических наук и религии, в то время как представители теоретической физики и космологии стали более осмотрительно высказываться против религиозных взглядов и идей.

Наука, получив статус легитимности, который трансформировался в автономность, забыла о своих религиозных корнях, попыталась найти собственные основания в себе самой. Развитие новоевропейской науки, связанное с математизацией физики, становлением картезианского универсального метода познания и классической физики привело к формированию механистического и детерминистского подходов, сторонники которых пытались обосновать самодостаточность аналитического знания. Это вело к подмене науки сциентистской идеологией, что неизбежно должно было спровоцировать искусственный конфликт между наукой и религиозным мировоззрением, наиболее полно выразившийся в идеологии Просвещения, позитивизме, марксизме.

Современная цивилизация тесно связана с достижениями науки, и благодаря их внедрению в производство стал возможен впечатляющий технологический прогресс XX в. Переход к хозяйству интенсивного типа с последующим перерастанием ремесленно-ручного производства в индустриально-машинное, развитие промышленной экономики, интенсификация обмена и утверждение системы товарно-денежных отношений, раздвижение на этой основе характера и структуры всей общественной практики коренным образом трансформирует жизнь общества. Благодаря этому происходит становление техногенной цивилизации, радикально меняющей положение и условия жизнедеятельности индивида, детерминанты его духовности. По замечанию Э. Гидденса, отличительными особенностями техногенного общества становятся рациональность, инновации и динамизм [11].

Связывая контрнаучное движение с контркультурой, С. Тулмин выделил ряд наиболее значимых принципов, характерных для всех вариантов критики науки:

- 1) требование гуманизации знания;
- 2) противопоставление научной и художественной деятельности, поскольку научная деятельность не позволяет выразить индивидуальность ученого, подчиняя его интеллекту мнению профессиональной группы;
- 3) подавление в науке воображения;
- 4) пренебрежение качественной стороной явлений ради их количественной соизмеримости;

5) абстрактный характер научных идей, лишаящий науку гуманистического содержания [12].

Как мы показали ранее, в «современных условиях кризиса рационализма и осознания абстрактности современных теоретических построений все чаще встает вопрос о необходимости альтернативной науки» [13, с. 87]. Так, современный исследователь В. П. Филатов, отмечая изначально присущую науке ограниченность, невозможность полностью избежать негативных последствий, связанных с техническим воплощением ее результатов, считает, что необходима альтернативная наука, которая решит вопрос «...о преодолении отчуждения науки от жизненного мира людей, о ее совместимости с идеалами и ценностями гуманизма» [14, с. 154]. Новая наука должна формироваться на противопоставлении модернистскому сциентизму и классической науке, критиках которых выдвигает их «слабые» стороны: «Отрыв субъекта от объекта; логоцентризм, приводящий к игнорированию интуиции и воображения; неадекватное, упрощенное понятие об объекте; отсечение от субъекта познания ценностных характеристик; игнорирование особенного; противопоставление науки и религии» [15, с. 34].

В связи с осознанием важности нравственных аспектов современной науки начали активно обсуждаться вопросы ответственности ученого за возможные результаты своих исследований, механизмы демократического контроля за научной деятельностью, ее результатами и возможными сферами приложения. Возникают различные формы самоорганизации научной общественности, основной целью работы которых является регулирование деятельности ученых с точки зрения норм этической и социальной ответственности.

Наука, помимо выгод и преимуществ, принесла человечеству новые проблемы, которые в свою очередь порождают проблемы этики ученых, их социальной ответственности перед обществом и отдельным человеком. Этическая рефлексия над наукой должны быть осмыслена как необходимая составляющая самого научного поиска и научного исследования. Обратимся для начала к тому описанию морали научного сообщества, при-

знающего истину высшей ценностью, которое было предложено американским социологом Р. К. Мертоном. Он ввел понятие «этнос науки», включающее совокупность следующих норм: коммунизм (результаты исследований принадлежат всему научному сообществу); универсализм (оценка результатов исследований должна производиться объективно); незаинтересованность (исследователи должны быть заинтересованы исключительно в познании истины); организованный скептицизм (долг ученого критично оценивать любое свое и чужое суждение) [16].

В приведенном перечне норм научного сообщества можно обнаружить следующие ценностные установки. Во-первых, истина рассматривается как высшая ценность, ради которой ученый должен пожертвовать всеми личными или корпоративными амбициями, мнениями, предпочтениями и пр. Во-вторых, признается необходимым принять требования критического рационализма. Научное сообщество поддерживает внутри себя обстановку открытой дискуссии, свободной критики всех результатов, методов, предпосылок, способов аргументации и т. д. Иными словами, все, что касается содержания научной деятельности, открыто для аргументированной критики. В-третьих, наконец, важнейшей ценностью представляется автономия научного сообщества. Его деятельность не должна ни в какой мере определяться вне-научными интересами. Аргументы вненаучного характера не могут влиять на методы научных исследований и оценку результатов. Важно, что вторая и третья из названных ценностей производны от первой. Критический рационализм и автономия важны постольку, поскольку служат делу достижения научной истины. Интересно, однако, что именно из этих двух установок вытекают все моральные нормы научного сообщества. Получается, что роль морали в рамках этоса науки инструментальна. Она призвана обеспечить обстановку, благоприятную для достижения основной цели научной деятельности [17, с. 50–51].

Проблема нравственной ответственности науки актуализирует вопрос социокультурного измерения научного инновационного развития. Подобная постановка вопроса отпразднует, как отмечает В. Н. Порус, «к про-

блеме противоречий между культурой как горизонтом ценностей, выступающих ориентирами свободного поведения людей, и цивилизацией как системой формальных условий, необходимых для того, чтобы возможности этого ориентирования актуализировались» [17, с. 35–36].

Культура определяет ценностные смыслы общественного и личного бытия. Цивилизация обеспечивает формы социальной организации, технические средства, регламент общественного поведения и превращает идеальные планы культуры в реальные программы, определяет в них место и роль социальных институтов (в том числе — науки), как и отдельных людей, устанавливает правила общежития, в которых находят более или менее адекватное выражение культурные универсалии. Культурные идеалы и цели выступают как жизненные ориентиры в контексте цивилизации, и противостоять энтропийным и разрушительным процессам может лишь цивилизация, одухотворенная культурой.

Культура не является пассивной составляющей и способна сбрасывать с себя устаревшие и отжившие ее формы и проектировать новые. Формирующиеся в ней идеалы и ценности становятся общезначимыми благодаря традициям. В динамичных обществах традиции недостаточны, а идеалы и ценности воплощаются в принципах цивилизации. Но культура обладает автономией, внутренними импульсами саморазвития. Взаимобусловленность культуры и цивилизации может нарушаться. Наличные формы цивилизации имитируют культуру, «подменяют» ее. Поэтому Н. А. Бердяев называл цивилизацию «смертью духа культуры»: культура «сыхается» в цивилизацию, а цивилизация без культуры превращается в антигуманный механизм [18]. Что необходимо для сохранения их связи? Цивилизация должна направлять развитие культуры в контролируемое русло, но оставлять пространство свободы для творческой работы духа, культура должна формировать осознанные потребности и ожидания, осуществление которых ведет к преобразованию цивилизации, сохраняя ее от деструктивного бунта. Если этого не происходит, наступает кризис культуры, за которым следует и распад цивилизации.

Современная европейская культура находится в кризисе, один из признаков которой есть утрата связи науки с культурными универсалиями. Дело в том, что свою свободу наука охраняет от внешнего вмешательства постулатами о ценности «свободного и суверенного» научно-исследовательского труда и об органическом единстве всех частей и элементов своей грандиозной системы. Но если эта ценность трансформируется в самодовлеющую профессиональную ориентацию, в этом виден симптом неблагополучия культуры. «Чем более четко научное познание пытается выделить суверенную территорию, определяя свой предмет, объект и метод; чем более замкнутым хотелось бы видеть науке пространство ее интеллектуального и духовного суверенитета в сознании культуры, чем более прочны и устойчивы стены, тем, вероятно, все более и более шатким, зыбким, непрочным грозит оказаться ее самостояние-в-культуре» [19, с. 348–349].

В таких условиях научный прогресс уже не воспринимается как составная часть культурного развития. Г. Люббе констатирует: «Когнитивное содержание научного прогресса... уже никак не затрагивает нас ни в культурном, ни тем более в политическом отношении» [19, с. 228]. Оторванность науки от «человеческих масс», индифферентных по отношению к профессиональным ценностям науки, особенно сказывается в те периоды, когда само это развитие приносит не только блага, но и угрозы, что ставит по сомнению даже превосходство научного прогресса над донаучными формами культуры.

Итак, как было показано ранее, «социокультурная и экологическая критика научно-технического развития, науки как формы культуры абсолютно не случайна. На повестку дня ставится вопрос о более «мягких» формах технологии, более приспособленных к взаимодействию с целостными системами, с живым, с природой, прежде всего, с человеком. В подобных исследованиях начинают проступать контуры другой возможной цивилизации, другого отношения человека с окружающей средой с учетом всего многообразия социокультурного опыта» [20, с. 215]. Речь идет о формировании нового этоса современной науки.

Литература

1. *Merton R. K.* Science, technology & society in seventeenth century England. — Atlantic Highlands: Humanities Press; Hassoocks: Harvester Press, 1978. — 279 p.
2. *Волков Г. Н.* Социология науки. Социологические очерки научно-технической деятельности. — М.: Политиздат, 1968. — 241 с.
3. *Радаев В. В.* Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы. // Журнал социологии и социальной антропологии. — 2001. — Том IV. — №3. — С. 109–130.
4. Социальная траектория реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. / Ред. кол.; отв. ред. Т. И. Заславская, З. И. Калугина. — Новосибирск: АО «Наука РАН», 1999. — 736 с.
5. *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд., пер. и дополн.). — Новосибирск: СО РАН, 2001. — 140 с.
6. *Петров М. К.* Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. — М.: РОССПЭН, 2006. — 528 с.
7. *Энгельс Ф.* Развитие социализма от утопии к науке. // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 2-х тт. Т. 2. — М., 1955. — 564 с.
8. *Гессен Б. М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. — М.–Л.: Гостехтеориздат, 1933. — 79 с.
9. Наука и религия. Междисциплинарный и кросс-культурный подход. Научные труды. / Под ред. И. Т. Касавина. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2006. — 472 с.
10. *Воденко К. В.* Генезис и легитимация новоевропейской науки: роль мировоззренческих трансформаций. // Гуманитарные и социально-экономические науки. — 2009. — №2. — С. 45–49.
11. *Giddens A.* The Consequences of Modernity. — Cambridge: Polity Press, 1996. — 186 p.
12. *Civilization and Science: in Conflict or Collaboration?* — Amsterdam: Associated Scientific Publishers, 1972. — 227 p.
13. *Воденко К. В.* В поисках нового образа науки. // Вестник Ленинградского университета имени А. С. Пушкина. — 2010. — №3, Т. 2: Философия. — С. 87–94.

14. Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. / Отв. ред. и сост. И. Т. Касавин. — М.: Политиздат, 1990. — 464 с.

15. Чешков М. А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира. // Вопросы философии. — 1995. — №4. — С.24–34.

16. Merton R. K. The Institutional Imperatives of Science. // Sociology of Science. / Ed. V. Barnes. — L: Penguin Books, 1972. — 244 p.

17. Ответственность религии и науки в современном мире. / Под ред. Г. Гутнера. —

М.: Библейско-богосл. институт св. апостола Андрея, 2007. — 300 с.

18. Бердяев Н. А. Смысл истории. — М.: Мысль, 1990. — 174 с.

19. Наука в культуре. / Ин-т философии РАН; Под ред. В. Н. Поруса. — М.: Эдиториал УРСС, 1998. — 380 с.

20. Воденко К. В. Социальная ответственность ученого и этос современной науки. // Вестн. ЮРГТУ (НПИ). Сер. Соц.-экон. науки. — 2011. — №1. — С. 210–215.

Поступила в редакцию

15 сентября 2013 г.

Константин Викторович Воденко — доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии и культурологии Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук Южного федерального университета. Сфера научных интересов — философия науки, философия религии, институциональная социология.

Konstantine Victorovich Vodenko — Ph.D., Doctor of Philosophy, docent, head of Philosophy and Cultural Studies department at the Southern Federal University's Institute for Humanities and Social Science Teachers' Retraining and Refresher Training. Sphere of author's scientific interests includes philosophy of the science, philosophy of the religions and the institutional sociology.

344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160
160 Pushkinskaya st., 344006, Rostov-on-Don, Russia
Тел.: +7 (863) 264-30-20; e-mail: vodenko-kv@rambler.ru

Ольга Сергеевна Иванченко — ассистент кафедры государственного и муниципального управления и экономической теории Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова. Сфера научных интересов — социология научной деятельности, социальные аспекты муниципального управления.

Olga Sergeevna Ivanchenko — assistant lecturer at the Governmental and Municipal Management and the Economic Theory department of the Southern-Russian State Polytechnical University (NPI) of M. I. Platov name. Sphere of author's scientific interests includes the sociology of science and social aspects of the municipal management.

346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
132 Prosveshcheniya st., 346428, Novocherkassk, Rostov reg., Russia
Тел.: +7 (8635) 25-54-26; e-mail: olga.ivanchenko1509@mail.ru